

СОВРЕМЕННОСТИ

Ученые с хорошей родословной с гордостью рассказывают о предках, оставивших след в науке и передавших частичку генов следующему поколению. Научная династия — звучит здорово, как бы гарантируя слав верности отцовским заветам и высокой степени интеллекта.

У Николая Ильича родословная вроде бы и попроще: и дед, и отец прожили век обыкновенными рабочими, но проба у обоих была самая основательная. Сохранилась фотография Федорова-деда, пожелтевшая, еще царских времен: стоит во всей красе и парадном кафтане, полученным за беспорочную службу. На знаменитом не менее, чем в Туле, Ижевском оружейном заводе дед был одним из признанных мастеровых. Между прочим, уральская трехлинейка считалась в Российской армии лучшим стрелковым оружием, а к нему род Федоровых имел прямое касательство. В том числе и отец, полвека проработавший на заточке режущего инструмента. В семье было восемь детей, Николай — младшим из сыновей. Ему исполнилось 16, когда началась Отечественная война и после 9 класса он пришел к станку. Это был тот самый именованный ради соблюдения военной конспирации «машиностроительный» — оружейный завод, где на потоке гнали заводчане для фронта мосинскую, малость модернизированную винтовку. Говорят, зимой 42-го неважнейший полковник, зато удачливый «первый красный офицер» восторженно осматривал конвейер. «Гляди-ка, — тронул маршал Ворошилов за рукав сопровождавшего замнаркома, кивая на бесконечную ленту конвейера. — Как река винтовочки плывут, как же!» Такая вот подробность сохранилась в аналах очевидцев. А для рабочего парня Николая все было проще и привычнее: днем — на смене, вечером — индустриальный техникум, и постоянное ощущение голода впридачу, потому что зарплату относил матери, у которой ртов было — полный дом. На фронт не забрали — оружейный завод трудился на оборону, и так, в общем, получилось, что весной 45-го заводчане отпраздновали долгожданную победу, а Колька Федоров, свойский худой парень, навсегда ушел из Ижевска, превратился в солидного обладателя диплома и стал равноправным конструктором в техническом бюро.

«Позвольте, а при чем тут лес, наука?» — вправе поинтересоваться нетерпеливый читатель. Нет, все шло своим порядком: молодость на то и дается в расцвете жизни, когда возможны, а порой и желательны крутые повороты. И стал в том же сорок пятом Николай Ильич студентом лесотехнического института в соседней Йошкар-Оле. Почему выбрал лесоводство, ежели на заводе за ним признали безаговорочно задатки толкового и дотошного инженера? Наверное, и сейчас, с высоты лет, профессору не просто объяснить, по какому наитию произошло такое превращение — из технаря, вставшего на ноги и по тем временам неплохо зарабатывавшего, в прозябающего на ступе студента-первокурсника, что говорить, не очень по тем временам престижного вуза.

«Насчет престижности можно утверждать разве что по недоразумению, — поправил Федоров. — А мое решение... Знаете, за Ижевском и тогда леса были прекрасные. Намеешься на конвейере, в задымленных цехах — так и тянуло в редкую свободную минуту туда, в зелень». Сам профессор полагает: наверное, матушка-судьба решила по-своему. Как и двумя годами позже, в 47-м, когда уральский парень отправился за тридевять земель, в неведомую Беларусь, в борах которой еще не развеялся пороховой дым. Там и «добил» курс инженера-лесоведа: лекции, после них сперва работа на велозаводе, потом — лаборантом на кафедре защиты леса и дресвиневедения, как теперь шутит, «совмещающая приятное с полезным». И с 50-го — в штате нынешнего Технологического университета.

Встретились с профессором на той же кафедре, правда, в новом здании университетского городка. В

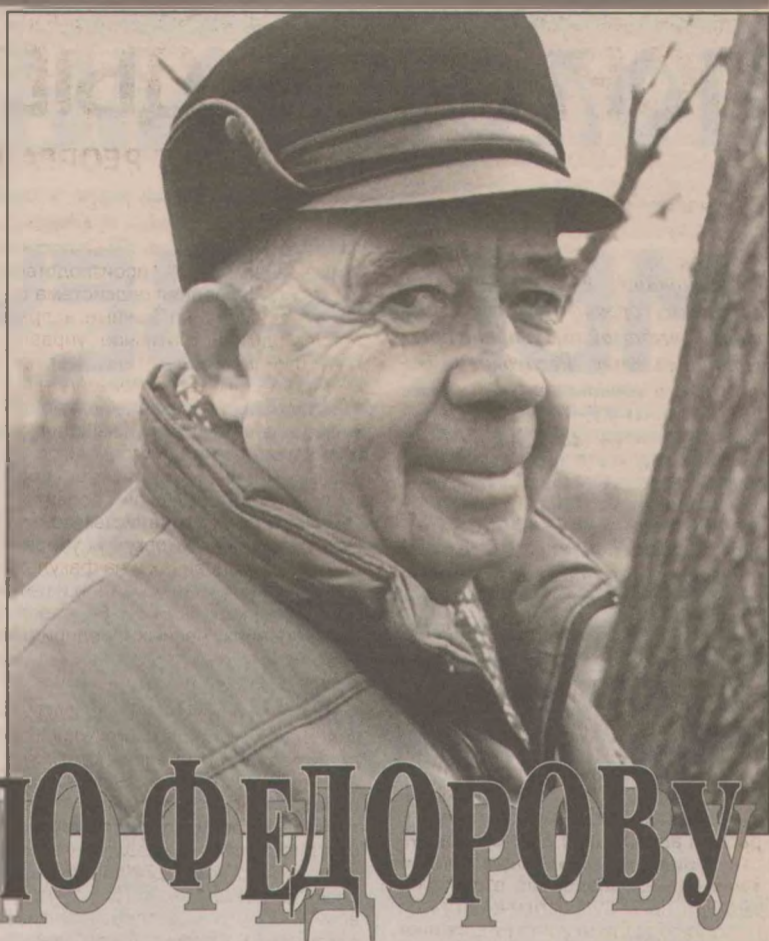
этот день Федоров был свободен от лекций, не предвиделась и срочная командировка, и посему наш разговор оказался достаточно продолжительным и откровенным.

— Николай Ильич, без всяких натяжек — довелось такое слышать в Москве и Питере — вы — ныне признанный глава лесозащитного направления в белорусской науке. Так вот, задам, быть может, дилетантский вопрос: отчего страдают леса? Сохнут в Полесье дубравы, на Витебщине — сосна, и уж, конечно, о ельничках болит голова у любого лесоведа.

— Во-первых, давайте согласимся с истиной, что усыхание деревьев в любом лесу — вполне нормальное явление в формировании древостоя на всех этапах его развития и борьбы за пространство, свет, влагу. Как и всюду, в природе, выживает сильнейший.

Аномальным усыхание следует считать тогда, когда погибшие деревья по их количеству на гектаре в 2—3 раза и более превышают есте-

Он полагает, что судьба к нему была благосклонной, хотя в его внешне благополучном бытие, созданном за долгие десятилетия, случилось немало горестных минут. И всегда приходило на помощь дело, которому служил. Быть может, прагматизм и коммуникабельность молодого уральца, не гнушавшегося любой черновой работы, привлекло к нему внимание первого ректора Минского лесотехнического института А.К.Петруши и, наверное, по той же причине, как полагает сам профессор, «натаскал» и делился сперва азами, а после сугубыми секретами лесной патологии выдающийся ученый А.И.Воронцов, в далекие уже 50-е приобретший мировую известность. С благодарностью вспоминает и время работы над первой — кандидатской — диссертацией с профессором В.Е.Вихровым. Тот труд, получивший блестящую оценку на специальном Совете БЛТИ, посвящался техническим свойствам дресвины интродуцированных хвойных пород, многие положения его и нынче звучат вполне актуально, осо-

ВОСПИТАНИЕ ПО ФЕДОРОВУ

ственный отпад для данного возраста и полноты.

— В ряде своих книг и статей вы, Николай Ильич, как говорится, по полочкам раскладываете причины преждевременной массовой гибели «зеленого друга».

— Предпосылкой для такого явления много — от состояния и типа почвы до антропогенных факторов. Речь в последнем случае идет о загрязнении окружающей среды вредными веществами — так расплачивается человечество за плоды непродуктивной цивилизации, а еще приплюсуйте сюда мелiorацию, то бишь обезвоживание огромных территорий, гнет рекреации — и картина становится достаточно полной, если учесть еще биотический фактор, то есть всякого рода корневые гнили, пресловутую губку, грибы-паразиты, вроде опенка осеннего, и все необузданное семейство стволовых вредителей.

— Компания солидная и внушительная. Воистину, «куда бедному крестьянину погаться...» А если языком статистики?

— Мне с коллегами на протяжении долгих лет приходилось выяснять степень пораженности массивов хвойных комлевой гнилью. И неизменно получали результаты неутешительные. Так, из всей площади обследованных ельников в Могилевской области, а она превысила две тысячи гектаров, пораженность корневой гнилью составила 72 процента. В целом же по стране немного ниже — 46,7, то есть каждый второй обследованный гектар! Мы выявили среди прочих закономерностей то, что наименьшая зараженность еловых массивов наблюдается в Березинском биосферном заповеднике, где установлен особый режим сбережения массивов и древостои практически не подвержены интенсивному антропогенному воздействию. То есть люди не мешают природе.

К великому сожалению, корневая губка, равно как и прочие грибковые и раковые заболевания растений, распространена в лесном фонде республики на площадях, соизмеримых с сотнями тысяч гектаров.

— На Витебщине сохнет сосна...

— Причина та же — губка. После войны в стремлении за короткий срок облесить бедные по почвенному составу земли агросектора сажали монокультуру сосны стахановско-михуринским методом: побыстрее и погуще, за последнее лесничим даже премии отваливали. А в итоге — в том же Городокском лесхозе как раз на бросовых землях крупные площади подгоста сосны страдают от корневой губки. Воистину — лесное дело не приемлет суеты.

бенно для деревообработчиков. Но все же основная сфера интересов Федорова как ученого лежит в плоскости борьбы за сохранение лесных ресурсов.

Это — его конек и его приоритет, и, пожалуй, в стране не найдется специалистов, знающих о патолого-физиологических изменениях в зараженных лесах больше, чем отдавший их изучению более полувека профессор.

Не было сезона, когда бы Федоров — и в 40, и в 60, и в 70 лет не отправлялся в экспедиции, на опытные объекты, и долгие пешие переходы по дубрам — отнюдь не праздное времяпрепровождение. И сейчас, в почтенные лета, он заряжен на результат: читает лекции, проводит исследования, участвует во встречах и диспутах с учеными, потому что все вместе и составляет смысл его подвижничества.

Вот небольшой штрих или подтверждение сказанному. Еще в начале 70-х Николай Ильич оказался среди тех, кто осознал потребность оперативного вмешательства науки в повседневную практику. Нашлись коллеги, которые корили молодого профессора: твоя, мол, забота фундаментальные рекомендации и исследования, внедрение оставь тем, кто вкалывает в лесу. Федоров полагал иначе. По его инициативе при кафедре организовали научно-исследовательскую группу, занимающуюся комплексными исследованиями корневых и комлевых гнилей и разработке методов защиты от них. Финансирование осуществлялось по линии Госкомитета по науке и технике при Совмине БССР. Обобщенные данные вошли в монографию «Корневые гнили хвойных пород», изданную без малого два десятка лет назад и являющуюся настольной книгой любого уважающего себя лесоведа.

— Николай Ильич, усыхание ели в 94—97 годах специалисты относят к самым бедственным на Беларуси в минувшем столетии. Но ель, как известно, менее, чем сосна и некоторые лиственные культуры подвержена грибковым хворям. Тогда что стало основным фактором бедствия? Говорят, слишком засушливые по нашим понятиям летние сезоны...

— Безусловно, засуха сыграла негативную роль: корневая система ели располагается близко к поверхности слою почвы. Но это лишь один из побудителей усыхания. И вот тут — то лесоведам надо быть начеку: скудеет водная подпитка, слабеет и дерево, его сопротивляемость стволовым вредителям. Проведенные исследования в очагах усыхания в еловых лесах Беларуси позволили составить список насекомых-разрушителей дресвины, он достаточно обширен — 44 вида, от

обычного кородея до хвойного рогахвоста, о котором не все и знают. Вот такая вредоносная публичка, способная нанести огромный ущерб любому массиву.

— Довелось видеть телепередачу и с экрана один из директоров лесхоза жаловался: вот, дескать, ученые все исследуют проблемы, пишут книжки, а ельнички как сохли, так и сохнут.

— Этот директор прав лишь в одном: сами по себе наши исследования и связанные с ними рекомендации мало чего стоят, если их не претворять в реальной работе. У нас была создана комиссия, готовившая такие рекомендации, в ней участвовало 20 высококлассных специалистов. «Соль» предложений проста: своевременно выявление очагов заражения, то есть расселения на ослабленных деревьях насекомых, и проведение жестких мер, связанных с рубкой ухода, в первую очередь санитарных — выборочных и сплошных, наконец, эффективная борьба с тем же кородеем — окоривание, создание разного рода ловушек, использование химикалий. Но что происходит на практике? Брестовчане в 94-м буквально проспали начало массового усыхания, пока разбиралась да согласовывали с центром — кородей распространился вдоль и поперек угодий области. В том же Ляховичском лесхозе, к примеру.

— Помимо брестовчане жаловались на соседей: из Польши, мол, налетел, окаянный.

— У нас своего такого добра хватает. Существуют резерваты, то есть места благоприятные для их существования, а как возникнут такие условия — в считанные дни разлетятся на десятки верст для размножения и поиска корма. Что происходит на практике? Кородей уже успел вылететь из усохшего дерева на другое, здоровое, а лесники лишь приступают к вырубке. И начинается погоня, в которой насекомое явно опережает людей.

Держу в руках последнюю, еще как бы пахнущую типографской краской книгу профессора. Она целиком посвящена предмету нашей беседы и называется «Особенности формирования еловых лесов Беларуси в связи с их периодичным массовым усыханием». В ней аккумулируются методика и закономерности, связанные с защитой нашего национального богатства. Дается прогноз массового размножения стволовых вредителей, приводится оценка эффективности инсектицидов в борьбе с ними, наконец, со всей прямотой лесников предупреждают и о негативных последствиях рубок ухода, поскольку, проводя их, следует быть начеку: возможно развитие на оставленных деревьях некрозно-раковых и других заболеваний, чему

способствуют и свежие пни, на которых охотно поселяется, к примеру, опенок осенний.

«Особенности...» написаны профессором в соавторстве с молодым биологом Сарнацким — когда-то Владимир Валентинович слушал лекции своего учителя в университетской аудитории. Федоров благодарен судьбе и за учеников, он готов говорить о каждом с той меркой взыскательности и доброжелательства, какая сродни неспешной натуре коренного уральца. А среди тех, кто считает себя обязанным учебному седу профессору, три академика — В.Ипатьев, В.Парфенов, Н.Картель. Николай Ильич дал, как прежде говорили, путевку в жизнь еще двум докторам и 22 кандидатам лесоводческой науки: можно представить, какой бы получился внушительный по компетенции институт, если бы собрать всех вместе.

А еще пять тысяч инженеров-лесоводов вышли из-под крыла своего наставника. Иные уже и на пенсии, иных — нет, но жива федоровская школа, живы его, Федорова, нравственные устои и принципы.

Спросил Николая Ильича, а что более всего тревожит, в чем видит свою насущную задачу на завтрашний день?

Усмехается:

— Да что же еще, кроме леса? Лесоводам предаваться пустопорожней созерцательности никак не рекомендую. Вот и сейчас — сохнет ель на севере, в тех лесхозах, которые до сей поры Бог миловал. Значит, надо учесть горькие уроки середины 90-х, не ждать наступлений и указаний. А для руководителей и ответственных инстанций (ясно, что не чиновники борются с кородеем и губкой у себя в кабинетах) посоветую: самым активным образом укреплять службу лесопатологии. Во многих лесхозах она по-прежнему на задворках, особенно там, где более или менее благополучная обстановка. Не тяните, дорогие товарищи, природа пустоты не терпит. Равно как и равнодушья.

Большие надежды связывает ученый со станцией по приему космической информации: ее приобрел упраздненный Минлесхоз и сейчас там идет наладка оборудования. Снимки из космоса позволяют иметь объективную картину состояния лесных массивов: тут уж желаемому прикрыть собственные промахи, сослаться на нерасторопность какого-нибудь лесника в глубинке никак не удастся. «Да и кого обманывать-то? — пожал плечами профессор. — Себя? Природу? Зряшная затея, право».

Валерий ВЫСОЦКИЙ.
Фото Виктора СТАВРА.